

«Почему Анчаров?»

Книга V

**Материалы Анчаровских чтений,
статьи, отклики о творчестве
М. Л. Анчарова**

Александра Александровна Устинова
Наталья Фёдоровна Антоненко
Денис Владимирович Макурин
Владимир Сергеевич Березин
Юрий Всеволодович Ревич
Александр Васильевич Быстров
Василий Сергеевич Макаров
Альбина Юрьевна Сберегаева
Галина Александровна Щекина
Марк Соломонович
Мария Евгеньевна Багирова
Елена Львовна Стафёрова
Олег Алексеевич Моисеев
Аннатолій Валентинович Кулагин
Инна Ермилова
Евгения Сергеевна Лапцова

Почему Анчаров? Книга 5. Материалы Анчаровских чтений, отзывы и рецензии на творчество Михаила Анчарова

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40275841
ISBN 9785449619389*

Аннотация

Перед вами очередной 5 выпуск сборника «Почему Анчаров?». Произведения Михаила Леонидовича обращены к широкому кругу читателей, поэтому и авторы сборника такие разные – это и преподаватели школ и вузов, и профессиональные критики, и журналисты, и программисты. В связи с выходом из печати первой биографии М. Л. Анчарова (Ревич Ю., Юровский В. Михаил Анчаров. Писатель, бард, художник, драматург. – М.: Книма (ИП Бреге Е. В.), 2018) в сборник «Почему Анчаров?» помещены первые отклики на эту книгу.

Содержание

БИОГРАФИЯ М.Л.АНЧАРОВА	9
ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН	9
АНАТОЛИЙ КУЛАГИН	21
ЮРИЙ РЕВИЧ	27
МАРК СОЛОМОНОВИЧ	42
ЕЛЕНА СТАФЁРОВА	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Почему Анчаров? Книга 5

Материалы Анчаровских чтений, отзывы и рецензии на творчество Михаила Анчарова

Авторы: Антоненко Наталья Фёдоровна, Багирова Мария Евгеньевна, Ермилова Инна, Березин Владимир Сергеевич, Быстров Александр Васильевич, Кулагин Ананатолій Валентинович, Лапцова Евгения Сергеевна, Макаров Василий Сергеевич, Макурин Денис Владимирович, Моисеев Олег Алексеевич, Ревич Юрий Всеволодович, Сберегаева Альбина Юрьевна, Соломонович Марк, Стафёрова Елена Львовна, Устинова Александра Александровна, Щекина Галина Александровна

Составитель сборника Галина Александровна Щекина

Составитель сборника Василий Сергеевич Макаров

Редактор Олег Алексеевич Моисеев

Корректор Анастасия Викторовна Астафьева

© Наталья Фёдоровна Антоненко, 2019

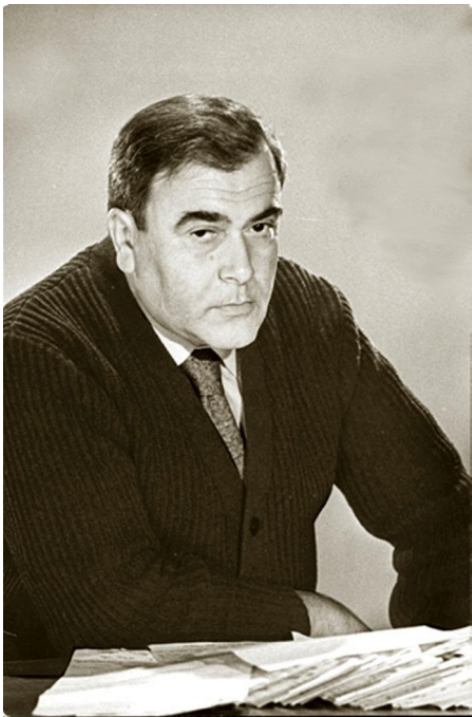
© Мария Евгеньевна Багирова, 2019

- © Инна Ермилова, 2019
- © Владимир Сергеевич Березин, 2019
- © Александр Васильевич Быстров, 2019
- © Ананатолий Валентинович Кулагин, 2019
- © Евгения Сергеевна Лапцова, 2019
- © Василий Сергеевич Макаров, 2019
- © Денис Владимирович Макурин, 2019
- © Олег Алексеевич Моисеев, 2019
- © Юрий Всеволодович Ревич, 2019
- © Альбина Юрьевна Сберегаева, 2019
- © Марк Соломонович, 2019
- © Елена Львовна Стафёрова, 2019
- © Александра Александровна Устинова, 2019
- © Галина Александровна Щекина, 2019

ISBN 978-5-4496-1938-9 (т. 5)

ISBN 978-5-4496-1939-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Михаил Анчаров (1923—1990)

Лучшие произведения по материалам LiveLib –
социальной сети любителей книг

Подробнее на [livelib.ru](https://www.livelib.ru):

<https://www.livelib.ru/author/212804/top-mihail-ancharov> (дата обращения: 17.01.2019).

Теория невероятности: сборник. М.: Молодая

гвардия, 1966.

Сода-Солнце: фантаст. трилогия. М.: Молодая гвардия, 1968.

Этот синий апрель... Теория невероятности. Золотой дождь. Сода-солнце. М.: Советская Россия, 1973.

Дорога через хаос. М.: Молодая гвардия, 1983.

Приглашение на праздник: романы и повести. М.: Художественная литература, 1986.

Записки странствующего энтузиаста: роман. М.: Молодая гвардия, 1988.

Как птица Гаруда: роман. М.: Советский писатель, 1989.

Звук шагов: [сборник]. М.: издательство МП «Останкино», 1992.

Самшитовый лес: роман, повести. М.: АСТ-Пресс, 1994.

Сочинения: Песни. Стихи. Интервью. Роман. М.: Локид-Пресс, 2001.

Избранные произведения в 2-х томах + CD/ сост. В. Грушецкий, В. Юровский. М.: Арда, 2007.

Прыгай, старик, прыгай!: аудиокнига / исполнитель Игорь Князев. Б/м.: Театр Абуки, 2011.

LiveLib – сайт о книгах, социальная сеть читателей книг www.livelib.ru

БИОГРАФИЯ М.Л.АНЧАРОВА

ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН

Жизнь красивого человека

Эссе о первой биографии Анчарова

Ревич Ю., Юровский В. Михаил Анчаров. Писатель, бард, художник, драматург. – М.: Книма (ИП Бреге Е. В.), 2018.

Губы девочка мажет
В первом ряду.
Ходят кони в плюмажах
И песню ведут: Про детей,
И про витязей
И про невест...
Вы когда-нибудь видели
Сабельный блеск?

Михаил Анчаров. «Песня про циркача»

Михаил Анчаров был очень красивым человеком.

Причём не только в молодости, о чём свидетельствуют его фотографии сороковых и пятидесятых, но и в тех годах, когда он погрузнел, но сохранил эту «очень мужскую» красоту. При этом он стал символом – во всех своих ипостасях, перечисленных в подзаголовке этой биографической книги.

Он был сценарист и драматург, он был поэт и прозаик, он был, наконец, философ.

Это такой тип синтетического человека – не от обидного слова «синтетика», а от понятия «синтез». Синтетическими людьми были Ломоносов и да Винчи. Сочинение стихов перемежалось с наукой, история ещё не разделила творцов на специальности. И это первое обстоятельство, которое интересно в биографии Анчарова: как существовал синтетический человек, опоздавший к эпохе Возрождения, где он бы одной рукой играл на лютне, а другой – писал философский трактат? Как он выживал в неудобные для проживания времена тоталитаризма, волюнтаризма и застоя?

Начинается всё в московском районе Благуша, для которого Анчаров стал певцом и тем, что римляне называли «гений места». Он воспел Благушу, как Окуджава – Арбат, и благодаря его памяти в Москве сохранился единственный дом с адресом: улица Благуша.

Потом герой попал в армию – сперва в Военный институт переводчиков. Он учил китайский, а не немецкий, потому что государство было рачительно, и даже когда немецкие танки стояли у Волги, понимало, что китайский язык когда-нибудь пригодится. Кстати, старший из братьев Стругацких там же учил японский.

Язык пригодился. И Анчаров был очень красив в военной форме, с орденом. С этим орденом, кстати, случилась почти детективная история. В известной всем базе «Подвиг наро-

да» Анчарова нет, зато есть Гончаров Михаил Леонидович с тем же годом рождения. Авторы книги пишут: «Это недо-разумение с фамилиями, очевидно, связано с секретностью операции, в которой Анчаров принимал участие, – сотрудни-ки СМЕРШ вместо фамилий обозначались псевдонима-ми. <...> Выпускники ВИИЯКА в своих воспоминаниях со-общали, что Анчаров принимал непосредственное участие в захвате и аресте правительства Маньчжоу-Го в Чаньчуне во главе с последним китайским императором из маньчжур-ской династии Цин по имени Пу И. Император был захвачен в плен советскими десантниками, высадившимися на аэро-дроме в Шэньяне (Мукдене), с которого собирались вывез-ти императора на самолёте в Японию 17 августа 1945 года. Полагаем, что к ордену Анчаров был представлен как раз за участие в этой операции».

В списках Министерства обороны значится и орден Оте-чественной войны II степени («юбилейный») Первой сте-пенью к 40-летию Победы награждали «лиц, принимавших непосредственное участие в Великой Отечественной войне в составе действующей армии, партизанских формирований или в подполье, получивших ранения в боях, награждённых в период Великой Отечественной войны орденами СССР ли-бо медалями „За отвагу“, Ушакова, „За боевые заслуги“, Нахимова, „Партизану Отечественной войны“», а второй – всех остальных участников войны. По-видимому, тут сыг-рала роль эта неразбериха в документах.

После демобилизации Анчаров круто меняет жизнь и через некоторое время становится студентом Суриковского училища, которое заканчивает в 1954 году.

Потом снова круто меняет жизнь и оканчивает курсы киносценаристов. В шестидесятые он пишет сценарий к первому советскому сериалу «День за днём».

И всё время он пишет стихи, поэтому для многих людей Анчаров остаётся автором песен, исполняемых под гитару, а не художником, сценаристом, переводчиком с китайского, писателем или философом, вкладывающим свои мысли о теории искусства в уста персонажей. Вот о ком это повествование.

Прекрасно, что в огромной, хорошо сделанной книге с цветными иллюстрациями нашлось место справочному аппарату – и указателю имён (что редко сейчас бывает), и библиографии, но имело бы смысл по образцу ЖЗЛ сделать и краткий календарь событий жизни героя. Это, впрочем, придирка.

Особый раздел авторы посвятили взаимоотношениям Анчарова с теми, кого принято называть «бардами». Слово это неловкое, понятие расплывчатое, но уж какое есть. В биографии Анчарова фиксированы воспоминания десятков людей ближнего круга.

Забегая вперёд, я скажу, что эта книга хорошая и полезная, и другой об Анчарове вам никто не напишет, потому что мы имеем дело с очень интересным феноменом. То есть

с интересным человеческим фактором, который я встречал только в узком кругу фантастов и любителей авторской песни. Они оказываются более яростными и дотошными собирателями информации о своём кумире, чем меланхоличные историки и филологи.

Но в этом и заключена обратная сторона таких исследований. Собиратель часто поступает на манер Плюшкина: ему жаль расставаться с найденным эпизодом, чьим-то наблюдением, фразой или развёрнутым воспоминанием. Он сохраняет всё.

Однако от этой рачительности повествование разбухает, и стороннему читателю сложно воспринимать слова не всегда отличимых на слух и цвет очевидцев. Человек вовлечённый, член того самого узкого круга, относится с пониманием к этой подробности, а вот сторонний читатель начинает скучать. Где баланс ценности повествования для внутренней аудитории и для внешнего мира – мне неизвестно.

Авторы зачем-то два раза, с разницей в двести страниц, приводят такую цитату из книги Анчарова: «Когда однажды он очнулся и увидел, что выброшен на грязный заплёванный пол пустой комнаты своей бывшей квартиры – без дома, без семьи, без денег, без работы, без перспектив, без положения, без сил, без желания работать, – и только тогда стало ясно – или сейчас, или никогда. Надо писать. Созрело.

Это случилось через семнадцать лет после того сна...» Цитата интересная, но такие вольные отношения к объёму

и приводят к тому, что книга увеличивается до шестисот страниц, превращаясь во внутренний мемориальный памятник.

Впрочем, авторы сделали ещё один интересный ход. Не только в комментариях, но и в авторских отступлениях они рассказывают и о биографии своего героя, и о жизни СССР в 1930—1980 годы.

Экскурсы в область быта, цен, жизненного уклада очень важны. Тут я на стороне авторов, потому что, во-первых, сам применял этот просветительский приём, а, во-вторых, время стремительно, и не то что внукам, а детям приходится объяснять, что почём и как была устроена жизнь.

Эта мелкая моторика быта очень важна тем, кто следует за очевидцами.

Но тут есть и подводные камни – если ступить на неблагодарный путь просветительства в этих мелких, но важных деталях, то придётся быть точным везде.

Вот авторы цитируют слова Анчарова: «А кончается песня цитатой извсем известной песни „Любимый город“, потому что эта песня была тогда у всех на слуху. Это из кинофильма „Истребители“, пел её Бернес», а потом продолжают: «Отметим эти слова – „одна из первых человеческих песен“. В войну произошёл странный и в рамках сталинской идеологии не вполне объяснимый разворот официальной песенной культуры от бодряческих оптимистических <...> маршей к глубоко лирическим песням <...>». Это совершенно

справедливое наблюдение, только вот премьера фильма «Истребители» состоялась 20 ноября 1939 года, за десять дней до начала советско-финской войны, в те самые времена бравадных маршей. И год этот указан рядом в сноске.

Или авторы замечают: «Ставя в «Балладе о парашютах» в один ряд два наименования разных немецких подразделений («А внизу дивизии «Эдельвейс» и «Мёртвая голова»), Анчаров был неточен. Понятно, что названия эти были тогда на слуху у каждого, но это части принципиально разные. «Эдельвейс» – горные стрелки, то есть подразделение чисто армейское. И Высоцкий потом в песнях к фильму «Вертикаль» употребит это название в правильном контексте («И парень тот – он тоже здесь, / Среди стрелков из «Эдельвейс») – как противников наших горных отрядов, собранных и обученных, как мы знаем (см. главу 2), Николаем Николаевичем Биязи в 1944 году специально для противодействия этому самому «Эдельвейсу». А «Мёртвая голова» – общее название подразделений СС, которые несли охрану концлагерей и в боевых действиях на фронте участия не принимали, они осуществляли только карательные функции. Их зловещая эмблема (череп и скрещённые кости) часто необоснованно приписывается всем войскам СС, хотя среди последних были и обычные военные части, которые к главным преступлениям нацизма считаются, согласно определениям Нюрнбергского трибунала, не причастными. Но перечисление этих «дивизий» в одном ряду могло у Ан-

чарова быть и вполне намеренным: таким образом он хотел показать, что те, кто сам преступлений не совершал, а только им содействовал, для него всё равно навсегда остаются врагами».

Ну, это всё вызывает искреннее недоумение. В природе вполне себе существовала дивизия «Мёртвая голова», созданная в 1939 году и позднее называвшаяся SS-Panzer-Grenadier-Division «Totenkopf». В 1941-м она воевала на Западной Двине, под Псковом, Лугой и у Москвы. В 1942 была под Демьянском, в 1943 – на южном фланге Курской дуги, в 1944 с ней дрались в Польше, а в 1945 – в Венгрии. Некоторые знатоки говорят, что тогда, перед сдачей союзникам в Австрии, она могла быть рядом с дивизией «Эдельвейс», но эту деталь имеет смысл оставить на обсуждение любителям военной истории. Здесь речь идёт о том, что просветительский пафос несовместим с неточностью, – она, как ложка дёгтя, портит неисчислимые объёмы мёда. Беда не в том, что авторы путают подразделения SS-Totenkopfverbände и дивизию СС «Мёртвая голова», а в том, что на этой путанице выстраивают целую картину мира с чужими заблуждениями и выводят за своего героя то, что «он хотел показать» и думал по этому поводу. То есть, может – думал, а, может, нет. В общем, маленькая ложь порождает если не большое, то некоторое недоверие.

Но все эти проблемы книги происходят не от безразличия к описываемой фигуре, а от чрезвычайной любви. Анчарова

есть за что любить. Более того, его можно с большой пользой анализировать – к примеру, он создал совершенно особенный образ фронтовика, почти хемингуэевский (да только б видел этот американец нашу войну), то есть образ красивого человека спустя двадцать лет после падения Берлина (фронтовикам было тогда лет по сорок, даже по тем меркам – не старики). Это красивые люди, нравящиеся женщинам. Вот его герой в повести «Теория невероятности» говорит с незнакомой девушкой и учит её жизни:

– Либо вы будете задевать всех, и это войдёт в привычку, и тогда вы вырастаете большая и красивая, вы и сейчас красивая, и вам будут подчиняться, но счастья у вас не будет.

Она внимательно слушала. Потом заметила, что слушает внимательно, и это её разозлило.

– Почему это? – спросила она с вызовом и потом добавила: – Все обучают...

– Привыкнете командовать и будете всех презирать. Все вам будут неинтересны, и вы пропустите свою любовь.

Она уже не подкидывала мяч, и ей было интересно, и она смотрела на меня серьёзно, – я произнёс магическое для её возраста слово – любовь.

– А если вы будете доброй с людьми, то вам будет интересно с ними, и к вам будут тянуться.

Я подумал и сказал опять:

– С женщинами, которые командуют, всегда хитрят. Им не доверяют и боятся. А женщина, которая добрая,

и с достоинством, и с жизнью в глазах... Перед такими – плащи в грязь!

А потом она возвращает ему комплимент:

– Я вот думала иногда, вот что в вашем поколении привлекательно? Вот попросту... Можно о поколении?

– Валяйте.

– Я раньше думала, может быть, вы покоряете комплиментами. И это есть. А женщине это всегда приятно. Вот вы утром сказали – плащи в грязь, под ноги... Сейчас этого не говорят. Сейчас под ноги кидают только обёртки от мороженого.

– Не в этом дело.

– Конечно. И я говорю, не в этом дело. Всему этому можно научиться. И место уступать, и целовать руку. Вы целуете руки женщинам?

– Ага.

– Я так и думала. Не это действует. Знаете, что действует?

– Что?

– То, что вы все боитесь разлуки.

И замолчала.

Крепко она меня поддела. Мне это даже в голову не приходило.

– В этом что-то есть, – говорю я, а сам чувствую: Есть! Есть!

– Вы поэтому и встреч боитесь.

– Занятно, – говорю я. – Каждая встреча – это потенциальная разлука. Вы это имеете в виду?

– Сейчас боятся драм, скандалов, а вы больше всего боитесь разлук. Это женщина сразу замечает. Разлук сейчас не боятся. Расстаются легко. А вы боитесь.

– Слишком их было много. Сердце не выдерживает.

– Так надо же дополнять! Надо не бояться встреч, как мы, и надо бояться разлук, как вы. Тогда всё будет хорошо.

Все эти диалоги – очень сложные примеры, как автор проходит по тонкой грани, отделяющей его от пошлости. Иначе говоря, он работает с манипуляцией сентиментальностью – а уж сентиментальности у Анчарова хоть отбавляй. Для студентов Литературного института я бы прочитал специальный курс, как нужно работать с мужской сентиментальностью. А перед нами особый род сентиментальности немолодых, но ещё сильных людей, красивого поколения с дырками на пиджаках от снятых орденов, которые лет пятнадцать было носить не принято.

Вот она – советская романтика.

При этом советская романтика воевала с мещанством, вкладывая в это понятие разные смыслы. В середине шестидесятых эта война напоминала отчаянную атаку польских уланов на немецкие танки. С той только разницей, что романтики, вращая над головой сабли, вдруг видели перед собой не панцерваффе, а своих сограждан, родственников и соседей. Некоторые успевали порубить саблями соседский шкаф, а остальные замирали в недоумении – что-то сбило

в романтической схеме, хоть и пафос никто не отменял, да и обыватель бывал омерзителен.

Главное в том, что внимательное чтение анчаровской прозы может дать очень точное понимание того оптимизма начала шестидесятых, вообще всей советской идеологической конструкции, высший взлёт которой приходился на полёт Гагарина. Несмотря на все хрущёвские окрики, дисбаланс экономики – жива идея социализма с человеческим лицом, половина мира покрашена розовым цветом, с Китаем ещё не поссорились, и Африка с Латинской Америкой пойдут по нашему пути. Всё это исчезнувшее, сгинувшее, как пер-вомайская демонстрация, видение считается по песням и повестям. И дело не в том, что Анчаров хотел зафиксировать идеологические правила, нет, – он запечатал в бутылку воздух оттепели.

И эта пыльная бутылка стоит среди книг на полке.

АНАТОЛИЙ КУЛАГИН
Выступление на презентации
книги в книжном магазине-
клубе «Гиперион»
(24 июля 2018 года)

Сам факт выхода биографии Михаила Анчарова чрезвычайно важен для истории авторской песни. Биографии других больших бардов уже существуют, а вот анчаровская «припозднилась». Сама его фигура оказалась как бы заслонена могучими учениками, прежде всего Высоцким и Галичем. Но заслуги Анчарова перед авторской песней требовали, чтобы такая книга была. И она теперь, слава богу, появилась. Книга возвращает нам эту фигуру в том масштабе, которого она заслуживает, и многое расставляет по своим местам.

Написать её могли только те люди, которые её написали. Они всю жизнь занимаются изучением биографии и творчества Анчарова. Это Юрий Всеволодович Ревич, держатель мемориального сайта Анчарова, и Виктор Шлёмович Юровский, составитель нескольких сборников произведений писателя. Без их подвижничества ничего не получилось бы.

Биограф всегда оказывается перед несколькими подвод-

ными рифмами, обойти которые очень сложно. Мне показалось, что почти во всех случаях авторам удалось эти рифы обойти.

Во-первых, существует проблема отбора материала и его пропорций. Оставаясь один на один с жизнью большого человека, поначалу теряешься: как с этим массивом быть? У тебя, допустим, 20—25 авторских листов. Как правильно распределить материал, чтобы он максимально пропорционально был расположен в книге? Разумеется, центральная эпоха жизни Анчарова – это оттепель, вторая половина пятидесятых и первая половина шестидесятых. Это годы расцвета его песенно-поэтического таланта. Закономерно, что именно об этих годах в книге говорится больше всего. Но и другие эпохи, которые обычно оставались в тени, тоже освещены здесь довольно подробно. Например, впервые детально говорится об обстоятельствах анчаровской биографии в послевоенные годы, на рубеже сороковых-пятидесятых годов, до песенного взлёта; прежде эта эпоха оставалась как бы в тени. Это относится и к последним годам жизни, когда Анчаров от прозы отошёл, от литературной жизни отошёл, от песен тем более отошёл, и могло бы показаться, что жизнь его идёт ровно, по накатанной плоскости. Но и в ту пору, как выясняется по прочтении книги, было много любопытного, в том числе и в отношениях писателя с литературным миром, объясняющих, почему Анчаров не стал известным прозаиком, почему в восьмидесятые-девяностые

известность его снизилась...

Другая проблема – это, конечно, чувство такта, с которым нужно писать. Если пишешь о человеке, приходится касаться его личной жизни, отношений с женщинами, вообще – с окружающими... Мне понравилось, как деликатно это сделано в книге, независимо от того, о каком периоде жизни идёт речь. К людям, которые противостояли Анчарову, тоже нет жёсткого подхода (дескать, этот хороший, а этот нет). Всё было сложно, ситуации бывали разные... Авторы не обходят острые углы – они с ними деликатно *обходятся*. Очень хорошо, что подробно сказано об отношениях Анчарова с ведущими бардами. Ведь Анчаров и авторская песня – это тема, которая ждёт своего исследования. Представляется такая работа на уровне как минимум кандидатской диссертации. Кое-что об этом написано, но пока мало. Для исследователя, который за эту тему возьмётся, книга станет бесценным подспорьем.

Я не хочу сказать, что авторам удалось обойти абсолютно все подводные рифы биографического жанра. Существует, например, проблема читателя, адресата – человека, на уровень которого книга рассчитана. В своё время академик Лихачёв ратовал за жёсткое разделение научных жанров: есть литература научная, предназначенная для специалистов, а есть научно-популярная, адресованная широкому читателю. Как смотрится на этом фоне книга Юрия Всеволодовича и Виктора Шлёмовича? У меня впечатление ком-

промиссное, противоречивое. С одной стороны – это первая книга об Анчарове, а первая книга должна быть научной. Ведь авторы идут по целине, собирают материал, который наука ещё не освоила. Популяризировать его нужно бы потом, когда сложится определённая научная база данных. Данная книга и представляет собой такую базу: авторы её выступают в качестве учёных, исследователей. Кстати, я как внутренний рецензент книги (и мой коллега Андрей Евгеньевич Крылов) спорили с авторами по поводу необходимости точных ссылок с указанием номера страницы. У авторов были сомнения по этому поводу, но мы настаивали. Ведь книга всё-таки научная. Но, с другой стороны, она напоминает и популярное повествование, например, в начале, где речь идёт о детстве героя. Там подробно говорится о войне в Испании. Специалисту – филологу или историку – не нужно читать книгу об Анчарове, чтобы узнать о войне в Испании: для этого есть специальная научная литература. А рядовому читателю, любителю – пожалуй, нужно. Сейчас вообще многое нужно объяснять, особенно молодёжи. Время ушло вперёд, и люди нашего поколения, оставаясь в кругу своих, сложившихся несколько десятилетий назад, пристрастий и интересов, не всегда этот разрыв ощущают. Я работаю в вузе и однажды спросил у студентов, будущих гуманитариев, кто из них смотрел фильм «Семнадцать мгновений весны». Только трое из двадцати пяти подняли руки. К этому можно относиться как угодно, но это реальность. Конеч-

но, молодые люди знают много такого, что мы не знаем (и, может быть, никогда уже не узнаем). Но *этого* – не знают. Сетовать бессмысленно: нужна кропотливая популяризаторская работа: книги, лекции, уроки... Другого пути преодоления культурной лакуны нет.

Так вот, некий дисбаланс между научным и научно-популярным подходом (точнее, попытка их совместить) в книге об Анчарове чувствуется. Меня это сначала смущало, а потом я подумал: ничего страшного в этом нет. Ибо в ближайшие десятилетия другая книга об Анчарове такого уровня появится вряд ли. И поэтому пусть книга Ревича и Юровского будет одновременно и научной, и научно-популярной, и каждый читатель возьмёт из неё то, что *ему* нужно.

Хочу поспорить с рецензентом книги Владимиром Березиным, автором довольно большой (и положительной) рецензии, выложенной на сайте «Открытая критика». Он считает, что авторам не надо было обрушивать на читателя такой большой массив информации. Но если сейчас не зафиксировать в печати то, что ими собрано и систематизировано, то неизвестно, когда ещё появится такая возможность. Так что ещё раз скажу: пусть в книге будет *всё*.

У книги очень насыщенный библиографический аппарат. Авторы перелопатили огромные пласты информации, огромное количество источников. Поэтому у них получилась не просто биография, а даже своеобразная энциклопедия анчаровской эпохи. Попутно затронуты реальные ис-

торические события, от уже упоминавшейся выше войны с Испанией до перестройки, которую Анчаров тоже застал. Всё это позволило выстроить большой биографический контекст. В книге использован обширный иллюстративный материал. Многие снимки публикуются впервые. Это большой плюс.

Мы ещё и потому так радуемся этой книге, что «Молодая гвардия», издающая знаменитую серию «ЖЗЛ», вряд ли выпустит книгу об Анчарове. Ситуация на книжном рынке хорошо известна: люди покупают книги всё меньше, а «Молодая гвардия» всё же коммерческое издательство. И как хорошо, что на одну полку с «жэзэловскими» биографиями Высоцкого, Окуджавы и Визбора теперь можно поставить солидную, основательную биографию Анчарова.

ЮРИЙ РЕВИЧ

Немного об изобретениях М.Л.Анчарова и «третьей сигнальной системе»

Когда составляешь биографию любого человека, крайне важно показать место, которое его достижения занимали в общей картине своего времени, как они соотносились с деятельностью других, как на неё влияли, какое вызывали отношение и что осталось в сухом остатке нам, потомкам. Это, пожалуй, самый сложный момент, потому что тут за просто можно оторваться от реальности и впасть в любую из крайностей, например: превознести достижения до небес и при этом оставить непонятым, почему же до сих пор вашему герою не ставят памятники в каждом городе. Или наоборот: впасть в покровительственный тон всезнайки-потомка, снисходительно похлопывающего по плечу дремучего и необразованного предка.

Насколько в биографии М.Л.Анчарова нам удалось избежать этих крайностей, судить читателю, а сейчас мы приведём несколько фрагментов из книги, которые посвящены оценке самых, наверное, не понятых читателями сторон деятельности Анчарова: его технических и научных предвидений. Серьёзному рассмотрению эти грани его творче-

ства никогда не подвергались, чему в немалой степени виной сам автор, демонстративно представлявший их в упрощённой, иногда шуточной и уж во всяком случае далёкой от какой-либо научности и техничности форме. Между тем сам Анчаров относился к этим моментам своего творчества вполне серьёзно и очень обижался, что они остаются незамеченными. Вот мы и рассматриваем на примерах, насколько эти обиды обоснованы и имеют ли его изобретения и идеи какое-либо практическое значение.

Анчаров потом много раз обращался к своему представлению, что творчество и вдохновение являются универсальным механизмом создания нового в любой области человеческой деятельности – это можно найти почти в любом его прозаическом произведении. В конце концов эта идея вышла из рамок анчаровского творчества, стала общепринятой, и её, наверное, можно причислить к главным и бесспорным положительным итогам эпохи. Идея стирала различия между научным и художественным видениями мира, которое тогда ещё вызывало беспредметные и бессодержательные споры о том, «кто лучше: поэт или учёный».

Осознав важность этой мысли, Анчаров решает попробовать, как это выглядит на практике – применение методов творчества к смежным областям, – и ему показалось, что получается. В «Самшитовом лесе» он напишет про себя в то время: «И надо было ждать, когда идеи признают

производительной силой, а ждать Сапожников не мог, его бы разорвало, и была такая полоса и такая жажда придумывать, что он каждый день высказывал идеи, которые потом назовут «пароход на подводных крыльях, конвертолёт и видеозапись». И до сих пор ещё в журналах «Техника – молодежи» и «Наука и жизнь» появляются давние, отгоревшие сапожниковские новинки, но уже и многие люди умерли, которым Сапожников мог показать журнал и сказать: «А помните? "...» Очень характерная для Анчарова небрежность: «конвертолётов» не существует, есть «конвертопланы». Ну и как тут серьёзно относиться к такому вот изобретателю, который даже терминологию толком выучить не может?

Надо сказать, что многие изобретения в реальности действительно делались дилетантами, что может служить блестящим подтверждением идей Михаила Леонидовича. Ярким примером может служить одно из самых значимых изобретений в новейшей истории – постройка телеграфа Самюэлем Морзе. Великий изобретатель до того, как увлёкся телеграфом, был, между прочим, признанным художником-портретистом и даже основателем и президентом существующей до сих пор Национальной академии дизайна в Нью-Йорке – чем не анчаровский типаж? Отличие, однако, Морзе от Сапожникова в том, что бывший художник не ждал, когда кто-то более технически подкованный подхватит его идею и загорится воплощать её на практике: он всё сделал

сам, по мере необходимости привлекая компетентных консультантов со стороны.

Проще всего показать истинное место, которое занимают практические результаты анчаровского увлечения изобретательством, подробно разобрав самый известный пример, в пропаганду которого он сам вложил немало сил.

Речь идёт о «вечном двигателе» Сапожникова. Подробнее, чем в «Самшитовом лесе», где представлена только голая идея генерации энергии за счёт всегда существующих её потоков (правильнее было бы сказать – разностей потенциалов), эта конструкция была представлена Анчаровым в статье «Бесплатная энергия?!», опубликованной в 1987 году в журнале «Студенческий меридиан». В нашей книге пример подробно разобран и показано, во-первых, что принцип изобретён ещё в XIX веке, во-вторых, почему, собственно, анчаровская конструкция, описанная в «Студенческом меридиане», неработоспособна (хотя и довести её до ума не очень сложно), в-третьих, почему сам принцип не востребован в широких масштабах. Хотя сейчас каждый может себе купить на дачу основанный на этом принципе отопительный агрегат, называемый «тепловым насосом», но стоит это дорого, намучаетесь вы с ним изрядно, да и электроэнергию получать таким способом невыгодно, только тепло (а о том, чтобы приставить к каждому станку, как мечтал Сапожников – и говорить не приходится).

Но всё это не важно: обратите внимание, что такие конструкции есть, идея не погибла, пусть она и не принадлежит Анчарову! Да, не слишком востребовано, ибо экономически оправдывается с большим трудом даже в Европе, где энергия сравнительно дорогая и существуют дотации наподобного рода «экологически чистые» агрегаты («экологически чистые» – в кавычках, потому что на деле они не очень-то и «чистые»). Потому здесь важна не сама по себе конструкция, а главная идея, которая намного опередила своё время, – размышлял-то об этом Анчаров на рубеже 40-50-х, когда об экономии энергии ещё и не заикались. В наше время «тепловой насос» – один из многочисленных способов сбора рассеянной энергии из окружающей среды, наряду с гидро-термальными станциями, солнечными батареями, электро-станциями приливными, волновыми, ветровыми и т. п.

Сама по себе идея заимствования энергии из окружающей среды, до которой Анчаров дошёл самостоятельно, гораздо важнее технических деталей конструкции его «вечного двигателя». Идею сбора рассеянной энергии, заложенную в «вечный двигатель Сапожникова», можно поставить в ряд с другими блестящими предвидениями нашего героя: сейчас весь мир как раз активно работает над различными воплощениями альтернативной энергетики. В те «времена высоких энергий» (как выразились сотрудники журнала «Изобретатель», рассматривавшие изобретение)

утилизация рассеянной энергии рассматривалась только там, где она была абсолютно необходима, как солнечные батареи в космосе или ветряки на полярных станциях. И практически до конца XX столетия основная ставка делалась на новые высокопотенциальные источники – особенно вдохновлял современников Анчарова термояд, как не требующий дефицитного сырья и теоретически даже не нагружающий окружающую среду радиоактивными отходами. Не их вина, что из блестящего старта мирной термоядерной программы так пока и не вышло ничего путного – слишком велики оказались трудности на этом пути, а состоявшаяся позднее черныбыльская катастрофа надолго отбила охоту заниматься ядерной энергетикой вообще. Меж тем первые грозы над нефтяной экономикой прогремели ещё в 1970е годы, во время «арабского» нефтяного кризиса. Потому-то сейчас никто не видит другой перспективы, кроме как становиться на «путь Сапожникова», всё больше обращаясь к той самой рассеянной, «низкой» энергии, о которой столь пренебрежительно отзывались технически образованные собеседники Анчарова.

Обо всём этом Анчаров даже не подозревал, но интуицией Михаил Леонидович обладал просто потрясающей: из обрывков разговоров, газетных заметок, научно-популярных очерков и просто слухов он сумел отфильтровать главную, даже центральную проблему современности ещё тогда, когда она давала

самые первые незаметные всходы.

Стоит также обратить внимание на анчаровскую формулировку «когда идеи признают производительной силой». Действительно, во времена индустриализации и у нас, да и на Западе тоже, во главу угла ставили исключительно материальные ценности: так, стоимость предприятия считалась равной сумме стоимостей её материальных активов. В настоящее время, когда словосочетание «интеллектуальный капитал» стало привычным, уже никого не удивляет, что компании Apple и Microsoft, не имеющие никаких собственных производственных мощностей, числятся в рекордсменах по капитализации, обогнав традиционных лидеров – глобальные нефтяные империи Shell и ExxonMobil. Этот поворот произошёл сам собой с началом информационного века, где именно идеи и их носители стали играть определяющую роль, а интеллектуальное достояние становится важнее материального. Анчаров, конечно, поворота к информационному веку не предвидел (его не предвидел в таком масштабе вообще никто), но саму идею уловил ещё тогда, когда она была совершенно не очевидной.

И так со многими идеями Анчарова – они содержали совсем не то рациональное зерно, которое рекламировал автор. Настоящий смысл его идей оказывался куда важнее прямого, на невнимание к которому сетовал Анчаров, и далеко выходил за рамки представлений самого их автора.

Рассмотрим подробнее под таким углом одну из науч-

ных идей Анчарова, которую он не переставал пропагандировать всю жизнь. Сначала нужно отметить, что наука и техника в отношении к дилетантам различаются диаметрально. В истории изобретательства дилетантов полно, собственно, их даже гораздо больше, чем профессионалов. А вот наука, наоборот, дилетантов и их теории не терпит совершенно: наука представляет собой довольно законченную систему, где любая мелочь связана со всем остальным и в отрыве от этого «всего остального» рассматриваться не может. И здесь непризнанный одиночка чаще всего является синонимом «лже-» или, в лучшем случае, «псевдоучёного». Поэтому наука дилетантов отторгает, и, в общем, правильно делает: в её истории практически нет примеров, когда непризнание гения всерьёз и надолго затормозило бы развитие науки. А вот обратных примеров, когда неправильно выдвинутая теория может обернуться огромными потерями, полно: пример для нашего соотечественника на виду, когда influential шарлатан Трофим Денисович Лысенко меньше чем за полтора десятка лет умудрился закопать отечественную биологию так глубоко, что она уже никогда не смогла вернуться на те передовые позиции в мире, которые занимала в первой половине XX века.

Поэтому и случаи, когда Анчаров претендует на «научность», рассматривать значительно сложнее.

В повести «Голубая жилка Афродиты» Анчаров упоминает о некоей «третьей сигнальной системе»,

которая, по его представлениям, должна заведовать вдохновением:

«...Стало быть, один художник от другого отличается каким-то особенным богатством внутренней жизни, которое нельзя свести ни к интеллекту, ни к эмоциональности; ни ум, ни темперамент ещё не делают художника, хотя и нужны ему, как всякому человеку. И вот, занявшись тогда поисками этой особенности, я убедился, что её, особенность эту, можно определить одним словом – вдохновение. Я понял, что это некое душевное состояние, свойственное только тем, кто может изобретать эти приёмы, а не копирует их, и только в тот момент, когда он их изобретает.

Что же заводит в мозг вдохновением? Если оно есть, должен быть и механизм. Первая сигнальная система заводит сношениями с внешним миром, рецепторы – глаза, уши и прочее. Вторая заводит речь. Опять не годится. Описать свои ощущения может каждый, а изобрести нечто новое – только некоторые. И тогда мне пришло в голову, что должна существовать третья сигнальная система, заведующая вдохновением, то есть особым способом мышления, которое отпущено многим, но возникает редко. И в эти моменты человек добивается результатов, которых ему никаким другим путём не добиться.

Парнем я тогда был неглупым, хотя и наивным до изумления.

Изложил я все эти соображения в письме, снабдил большим количеством цитат – высказываний великих мастеров, описывающих это состояние, и отправил в Академию наук. И получил оттуда ответ – он у меня и сейчас хранится. Суть ответа такова. Третьей сигнальной системы быть не может, потому что о ней ничего не говорится у Павлова, а кроме того, мысль о ней не нова, её высказывали академики – приводились фамилии, – но после соответствующей критики они отказались от этой мысли. Ну тут я сразу успокоился. Потому что времена были такие, что после соответствующей критики отказывались от собственных родителей, не то что от мысли».

И хотя в «Птице Гаруда» Анчаров издевается над этим ответом, нельзя не признать, что реакция научного учреждения была вполне оправданной. Наличие первой и второй сигнальных систем – не выдумка Павлова, а итог многолетних опытов и наблюдений. Анчаров занимался не наукой, а метафизикой – выдумывал новые сущности путём абстрактных размышлений над неочевидными и совсем не общепризнанными фактами, даже не пытаясь их подкрепить целенаправленными экспериментами или хотя бы разработать методическую основу для проведения таковых. Он демонстрирует не только слабое владение предметом, но и непонимание того, как устроена наука.

И что в сухом остатке – остаётся посмеяться над не пони-

мающим предмета дилетантом? Совершенно нет!

Сложнее всего было эту теорию Анчарова классифицировать – понять, к чему её отнести. Интуитивно ясно, что в рамки одной нейрофизиологии, к которой относится учение Павлова о первой и второй сигнальных системах, эти представления Анчарова не совершенно умещаются. Ближе всего была психология, в её рамках феноменом творчества занимались отечественные учёные Лев Семёнович Выготский и Александр Романович Лурия, а также некоторые немецкие учёные, в том числе ученик Фрейда Карл Юнг. То есть, если уж встраивать всё это в рамки тогдашних научных представлений, следовало бы отнести теорию Анчарова к ведомству психологии. Но в СССР она целых тридцать лет, с 1936-го по середину 1960-х, была под фактическим запретом, и уж точно в научно-популярных журналах об этом не рассказывали.

После долгих поисков обнаружилась, наконец, научная дисциплина, к которой идеи Анчарова о творчестве ближе всего. У нас она по-прежнему не признаётся за отдельную науку, но на Западе существует единый термин: *cognitive science*, в буквальном переводе «наука о мышлении» (или «наука о познании»). У нас подобные учёные числятся по ведомству психологии, любимой Анчаровым нейрофизиологии, лингвистики и даже философии: питерский профессор Татьяна Черниговская, как раз специалист по *cognitive science*, числится в редколлегиях философских журналов.

Есть такие философские дисциплины под общим названием теория познания (эпистемология и гносеология) – они также имеют ко всем этому непосредственное отношение. В этой мысли мы, кстати, совершенно не оригинальны: в 1988 году попытку привязки к философии анчаровских идей предпримет профессионал – преподаватель философии С. Грабовский. Но какая там была эпистемология в единственно верной марксистско-ленинской философии? Профессиональный философ скажет, разумеется, что «Анчаров – плохой философ». Ну, конечно же, плохой – а как ему было стать хорошим, не после чтения «Краткого курса» же? И что бы стало с ним в 1950 году, если бы он стал претендовать на вклад в философию?

В книге все эти вопросы рассматриваются детально, в подробностях.

В заключение остановимся на одном современном приложении этих идей, очень наглядно демонстрирующем практическую пользу теории Анчарова:

...«третья сигнальная система», как механизм творчества, оказывается очень актуальной, когда заходит вопрос о том, как устроено человеческое мышление вообще. Этот вопрос как раз во времена Анчарова – особенно в пятидесятые и шестидесятые годы – дискутировался во вполне практическом аспекте, при рассмотрении проблем, в которые совершенно неожиданно для её творцов уткнулась кибернетическая дисциплина

под названием «искусственный интеллект». Крупнейшие математики того времени, энтузиасты искусственного интеллекта, среди которых были знаменитейшие Алан Тьюринг и Андрей Колмогоров, не смогли преодолеть барьер традиционного представления о том, что процесс мышления можно разложить на элементарные логические операции.

Математикам пришлось самостоятельно приходить к тому же выводу, к которому пришёл Анчаров ещё тогда, когда о вычислительных машинах слышали лишь немногие специалисты. А именно о том, что процесс мышления не подчиняется логике, не может быть разложен на элементарные операции, а происходит скачком – путём внезапного «озарения», приступа «вдохновения». Конечно, у Анчарова были предшественники (в том числе известный физик Анри Пуанкаре, о котором Анчаров упоминает), а уже позднее, в 1980-е, английский физик и математик Роджер Пенроуз попытался объяснить скачкообразный характер творчества с позиций квантовой механики.

Положа руку на сердце, рассуждения Пенроуза (они подробно изложены в книге «Новый ум короля», 1989), хотя и подкреплены отнюдь не дилетантским знанием математики, физики и всех остальных сопутствующих дисциплин, в основе своей не очень сильно отличаются от рассуждений Анчарова о «третьей сигнальной системе». Как и Анчаров, Пенроуз вынужден ограничиться словесным

описанием возможного пути решения, без какой-либо конкретики. Скорее всего, проблема творчества вообще не может быть решена в рамках современной науки. Незаслуженно недооценённый советский математик и философ Василий Васильевич Налимов говорил, что подобные – то есть связанные с человеческим мышлением – проблемы в рамках человеческого разума могут быть лишь осознаны, а для решения их требуется как минимум некий «метаразум». То есть такой, который сможет взглянуть на человека со стороны, подняться над его уровнем. А поскольку из мыслимых сущностей подобное по силам лишь богам, то и проблема, очевидно, в обозримое время решения иметь не будет.

Нельзя тут не упомянуть факт, который наверняка очень понравился бы Анчарову: суть проблемы искусственного интеллекта вполне квалифицированно ухватила ещё в первой половине XIX века дочь Байрона Ада Лавлейс, которую называют первым в истории программистом вычислительных машин. В 1842 году она писала: «Аналитическая машина не претендует на то, чтобы создавать что-то **действительно новое**. Машина может выполнить **всё то, что мы умеем ей предписать**. Она может **следовать** анализу, но она не может **предугадать** какие-либо аналитические зависимости или истины. Функции машины заключаются в том, чтобы помочь нам **получить то, с чем мы уже знакомы**». Главный идеолог искусственного интеллекта Алан Тьюринг

знал об этих возражениях, но так и не сумел их опровергнуть, предложив путь обхода в виде знаменитого теста Тьюринга. Ясно, что этот тест (игра в имитацию разумного поведения) проблемы не решает и нового знания имитатор Тьюринга всё равно выдумать не сможет никакими силами. То есть разумным его поведение не будет, даже если оно будет очень напоминать таковое. Понадобилось почти полтора века, считая от гениального прозрения леди Байрон, для того, чтобы на рубеже восьмидесятых учёные в лице философа Джона Сёрля, наконец, осознали эту истину в полной мере. Анчаров опередил их как минимум на тридцать лет.

МАРК СОЛОМОНОВИЧ

Его идеи в новом свете

Уже давно надо было откликнуться на новую биографию Михаила Анчарова; уже книга и премию получила, и ясно, что книга не просто удалась, а очень даже удалась, но вот некоторые не дочитавшие её товарищи (которые скорее всего и не товарищи вовсе) критикуют и даже дают указания как, по их мнению, надо было эту книгу писать.

А я уже и прочитал два раза – один раз последовательно, с начала и до конца, а потом ещё «местами», но фактически – опять полностью, а всё ещё никакого отклика (не отзыва, т.к. отзыв – нечто вроде рецензии, для просвещённых филологов) не опубликовал.

Книга получилась замечательная во всех отношениях, и по существенности, детальности и объёму информации о главном герое повествования, и по портрету эпохи (можно сказать «эпох»), в которые он жил, и по сопутствующим им социальным и культурным явлениям. Очень подробно и с любовью описаны все аспекты творчества Михаила Анчарова – художника, писателя, поэта, барда, сценариста и автора оригинальных научных идей. Последнее было особенно удивительно, и идеи эти предстали в новом свете, хотя я книги Михаила Леонидовича, где эти идеи упоминались, читал, и неоднократно.

Ещё более ценно то, что книга даёт лучшее представление о том, каким человеком был Михаил Анчаров. Здесь были открытия для меня, хотя я и раньше читал воспоминания людей, знавших Анчарова лично, и представлял его себе человеком мудрым, талантливым, равнодушным, чувствительным, сильным, цельным, но после прочтения книги возникло ощущение, что доброта и заботливость были доминирующими чертами характера Михаила Леонидовича.

Не все параллели, проведённые в книге, мне кажутся оправданными; например, параллель между западными рок-музыкантами и советскими бардами: последние, по-моему, являются совершенно своеобразным явлением, и если говорить о параллелях – то разве что с Беранже. Параллель между писателями-диссидентами и писателями-деревенщиками тоже, по-моему, не оправдана (про это, кстати, хорошо написано у Войновича в «Автопортрете»).

Это, однако, всё мелочи несогласий в каких-то культурологических интерпретациях. Главное, что в книге получился портрет героя, человека бескомпромиссного, ни к каким группам не принадлежавшего, как и его любимый Грин. Как и Грин, написавший много замечательных книг и великую книгу «Алые паруса», Михаил Анчаров написал много замечательных книг и великую книгу «Теория невероятности». Кстати (как стало известно из обсуждаемой биографии), эта книга не подверглась существенному редактированию, благодаря (по-видимому) мудрости Бориса Полевого, который,

очевидно, понял, что это за книга. Эта книга дала желание и жажду настоящей жизни многим людям.

Самая интересная и важная, на мой взгляд, черта этой биографии в том, что, несмотря на детальность рассказа, объём и множество ссылок, книга больше всего напоминает жизнеописание древнегреческих героев: рождение, высокое предназначение, подвиги, победы, триумфы и разочарования, а затем трагическая гибель. Как сказал Михаил Леонидович, «поэты и мечтатели погибают от разочарования; всё остальное – детали». Мне кажется, самому Михаилу Анчарову эта книга понравилась бы: он и ощущал себя сродни древнегреческим героям, и считал, что должен принести людям нечто такое, что только он и может принести. Так всё и вышло.

Огромное спасибо авторам этой биографии – Виктору Юровскому и Юрию Ревичу!

ЕЛЕНА СТАФЁРОВА

Эту книгу ждали давно

*(Ревич Ю., Юровский В. Михаил Анчаров.
Писатель, бард, художник, драматург. – М.: Книма
(ИП Бреге Е. В.), 2018).*

Эту книгу ждали давно. Ибо биографии всех крупных деятелей авторской песни – Александра Галича, Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого – уже вышли из печати, прочитаны и обсуждены, но биографическая книга о человеке, с которого авторская песня по существу началась, долго не появлялась. И это тот нечастый случай, когда длительные ожидания оправдались с лихвой. Авторы книги – люди, которые на сегодняшний момент располагают уникальными знаниями о Михаиле Леонидовиче Анчарове и самым обширным материалом о нём.

Прежде всего, сразу подкупает авторское отношение к герою: с безмерной любовью, но без идеализации. По принципу «не плакать, не смеяться, но понимать». При всей несомненной любви к Михаилу Леонидовичу и его творчеству авторы не боятся говорить и о сильных, и о слабых сторонах своего героя, и о творческих взлётах, и о творческих неудачах, которые у него, как у каждого художника, разумеется, бывали, стремятся понять и объяснить, почему он рассуж-

дал и поступал именно так, а не иначе. Поэтому получился объёмный и многокрасочный портрет.

Как и все биографы, авторы неизбежно субъективны, но они не навязывают своё собственное видение читателю, а приглашают его к серьёзному диалогу. А когда для некоторых выводов материала не хватает, то появляется восхитительная формулировка «есть подозрение». Причём все «подозрения» небезосновательны и имеют под собой определённую почву.

Количество источников и их разнообразие потрясает. Помимо того, что известно читателю, вводится огромный пласт неисследованного. Официальные документы, письма, неопубликованные сценарии, интервью и критические статьи в периодике, которые обычному читателю теперь довольно сложно найти. Вообще, полезно читать эту книгу, регулярно заглядывая на созданный одним из авторов сайт, посвящённый Анчарову, где многие тексты приведены полностью. Все материалы авторы подвергают внимательному и скрупулёзному анализу. Читая книгу, не раз вспомнишь слова Юрия Тынянова, что иные документы «врут, как люди». Очень интересно и убедительно авторы демонстрируют, как следует работать с художественными текстами, чтобы извлечь из них сведения для биографического описания. Весьма плодотворно «столкновение» художественных текстов М. Анчарова и Ю. Туманова про благушинский двор, причём понятно, что оба писателя прибегают к вымыслу, только по-

разному и с разными целями, и на основе двух художественных версий можно попытаться реконструировать прошлую реальность. Не менее интересно, когда авторы «сталкиваются» рецензию Л. Коробкова «Клумба на опушке» и рассказ о встрече с «незначительным экспертом из Воронежа» в «Записках странствующего энтузиаста». В сборнике содержится тонкий анализ посвящённых Анчарову страниц любопытнейшей книги Д. В. Тевекелян «Интерес к частной жизни». Поскольку она имеет подзаголовок «роман с воспоминаниями» и Михаил Анчаров выведен под псевдонимом, то вопрос, где тут «роман», а где «воспоминания», долгое время оставался для читателя открытым. И вот, наконец, внимательное чтение биографии Михаила Анчарова помогает понять, в каких эпизодах и случаях Диана Варткесовна давала волю художественному вымыслу и проявляла субъективность, а какие её суждения отражают реальность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.